

композициями, в которых для раскрытия символики образов используется и животный, и растительный мир. Такова, например, иллюстрация довольно сложной аллегории 79-го псалма, в котором народ израильский олицетворяется в образе винограда, принесенного из Египта. «Простре розгы его до моря и до рек отрасли его», но «вьскую разори оплоты его . . . озоба и вепрь от луга и инок дивий поял и есть». Между двумя реками, впадающими в море (имеется в виду, вероятно, междуречье Тигра и Евфрата), на горе стоит высокое дерево, нижние ветви которого уже объедены вепрем, зайцем и каким-то желтым зверьком.¹⁰ Здесь же и антропоморфная аллегория: истоки обеих рек изображены как две обнаженные человеческие фигуры, льющие воду из кувшинов.

Изображения таких водолеев — древних, еще античных, «языческих» символов рек и других водных потоков, встречаются в Киевской псалтири очень часто. Такой исток (он льется прямо изо рта сидящей на камне фигуры) изображен и у ручья, по которому идет олень, иллюстрирующий сравнение в начале 41-го псалма (л. 57), и у Иордана, изображенного при том же псалме на следующем листе, и у символического «града божия» в начале 45-го псалма (здесь два потока льются изо ртов двух голубых голов), и у «реки божией» в 63-м псалме, у которой два истока — два водолея, выливающие воды из глиняных кувшинов (л. 85), и во многих других случаях, даже в иллюстрациях новозаветных сюжетов (чудо архангела Михаила в Хонех и третий вариант Крещения на л. 162). Два красные водолея, выливающие из кувшинов красные потоки, иллюстрируют стих 77-го псалма: «И преврати в кровь реки их» (л. 108 об.).

Из других стихий антропоморфными аллегориями изображены ветры, например в иллюстрации соответствующего стиха псалма 134-го (л. 186 об.) — в голубом круге нарисованы четыре фигуры в пояс, дующие в трубы; над ними надпись: «4 ветри — вьсточный и полудньный, западный, полунощный». В иллюстрациях следующего псалма изображены «солнце» и «месяць» — две одинаковые по рисунку и различающиеся только по цвету аллегории: фигура с нимбом, стоящая на колеснице, в которую впряжены скачущие в разные стороны кони. Изображение светил небесных в виде двух голов в профиль есть и на л. 125, причем голова, олицетворяющая солнце, нарисована в круге. А на л. 23 об. изображения двух (красной и голубой) голов-светил в кругах помещено в голубом сегменте неба, усыпанном золотыми звездами.

Из антропоморфных аллегорических фигур в иллюстрациях Киевской псалтири очень часто изображается ад в образе обнаженного бородатого человека. Обычно она является лишь атрибутом, но не действующим лицом композиции или сочетания нескольких отдельных рисунков. Так, например, около стиха 15-го псалма «яко не оставиши душа моя въ аде» изображена обычная фигура молящегося Давида; сверху, из сегмента, к нему протягивает руку Христос, а внизу полулежит знакомая уже чита-

¹⁰ Его, вероятно, художник Киевской псалтири изобразил в качестве того, кто в гексте назван «инок дивий». Это не совсем понятное словосочетание, которое соотносится с греческим выражением «μονιὸς ἄγριος» (А. Х. Востоков. Словарь церковнославянского языка, т. 1. СПб., 1858, стр. 157), в некоторых древнейших списках Псалтири заменено выражениями «скот полевой», «уединенный зверь», «одинец» (Амфилохий. Древлеславянская Псалтирь (Симоновская до 1280 г.), т. 3, М., 1881, стр. 428). Последнее слово в точности соответствует греческому тексту Псалтири «... ἐλυμῆνατο αὐτὴν ὡς ἐκ ζυμῶν καὶ μονιὸς ἄγριος κατενεμήσατο αὐτήν», что буквально можно перевести так: «... погубила ее свинья из леса и живущий одиноко дикий кабан захватил себе» (см.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2, М., 1955, стр. 651: «Одинец — ... кабан вепрь одинец, самый крупный и злой, старый, который отбивается от косяка и бродит один»).